

Глава 19

Заветная мечта книжника

Хань Минь так и остался стоять на месте, глядя, как Фу Сюнь плотно затворяет двери в опочивальню и задергивает тяжелый полог.

О таком положении дел мечтал, пожалуй, каждый амбициозный муж, стремящийся к вершинам власти.

Как и в тот раз, когда принц Дин провожал его из Лючжоу, Хань Минь, хоть и не считал себя книжником старой закалки, вновь почувствовал, как сердце предательски и невообразимо сладко екнуло.

«Система, скорее! Найди мне „Троецарствие“! Я должен проверить, спали ли Лю Бэй и Чжугэ Лян на одном ложе!»

Ответа не последовало. Юноша позвал еще пару раз, но тишина в сознании оставалась неизблемой.

Сбежала.

Система бросила его и попросту испарилась.

Что и говорить, момент она выбрала на редкость подходящий.

Хань Минь не успел даже перевести дух, как Фу Сюнь взял его за руку и повел за собой.

Юношу захлестнуло волной смущения. Он неловко потер кончик носа.

Фу Сюнь обернулся, глядя на него с легким недоумением:

— О чем это ты так глупо улыбаешься?

Хань Минь на мгновение осекся, но тут же с самым серьезным видом поправил его:

— Это не глупая улыбка. Это нежная улыбка.

С этим человеком было совершенно невозможно объясниться.

Они не ладили с самого детства — неужели стоило надеяться, что, повзрослев, Государь вдруг начнет разбираться в тонких душевных порывах ученого мужа?

Хань Минь осторожно высвободил свою ладонь и, издав негромкое «хм», заложил руки за спину. Стараясь выглядеть как можно более непринужденно, он неспешным шагом подошел к ложу.

Фу Сюнь лишь усмехнулся и скрылся за ширмой, чтобы сменить одежду.

Когда он вышел, юноша уже уютно устроился под одеялом. Хань Минь лежал с широко открытыми глазами, нервно потирая ладони от волнения.

Хотя Системы не было рядом, он по привычке продолжал мысленно обращаться к ней, пытаясь унять душевное смятение.

«Я и представить не мог, что всё так обернется. Мы ведь вечно цапались в детстве... Честно говоря, я уже и не надеялся выполнить задание „Государь и подданный на одном ложе“. Фу Сюнь всё-таки замечательный. Решено: я буду предан ему до последнего вздоха, отдам все силы служению и умру на своем посту!»

Юноша в восторге дрыгнул ногами под одеялом.

В его воображении маленькая Цзяоцзяо забавно вильнула бедрами и пустилась в задорный танец пингвина.

На столе в покоях теплились свечи, перед ложем опустился полог — плотная зимняя ткань надежно удерживала тепло.

Ложе было огромным, и Хань Минь, крохотный и хрупкий, забился в самый угол.

Когда занавес слегка приподнялся, в постель ворвался поток теплого воздуха, а затем матрас рядом ощутимо просел.

Фу Сюнь повторил свой вопрос:

— Так о чем ты там снова глупо... то есть нежно улыбаешься?

Сердце книжника было полно искреннего трепета. Глаза юноши сияли в полумраке:

— Ваше Величество, это заветная мечта любого подданного.

Государь лег на спину, заложив руки за голову, и повернулся к нему:

— Заветная мечта? Разве ты не исполнил её еще десять лет назад?

Хань Минь тоже повернулся на бок, глядя на него:

— Это еще почему?

Фу Сюнь отвел взгляд и негромко кашлянул:

— Когда мы встретились впервые, мы ведь подрались, а потом три или четыре месяца вместе оправлялись от ран во дворце. Жили и ели под одной крышей. Если это предел твоих мечтаний, то запросы у тебя, надо сказать, весьма скромные.

Юноша недовольно надул губы:

— Разве это одно и то же?

— А в чем разница?

— Ну, разумеется, в том...

Хань Минь замолчал, не желая продолжать спор. Он перевернулся на другой бок, поворачиваясь к Фу Сюню спиной.

«Эх, пожалуй, я погорячился. Буду предан ему до последнего вздоха, но насчет „умереть на посту“ — это я, пожалуй, заберу свои слова обратно»

Государь смотрел на его иссиня-черные волосы, рассыпавшиеся по подушке. Он протянул руку и коснулся пальцами кончиков прядей.

— Хань Минь.

— М-м?

Фу Сюнь позвал его, но так ничего и не сказал. Юноша подождал немного, потер лицо ладонями и закрыл глаза, собираясь забыться сном.

Он был уверен, что, как и прежде, не сможет уснуть, но стоило ему сомкнуть веки, как его окутал едва уловимый аромат сосновой смолы. Плотный полог отрезал их от безбрежной

зимней ночи, царившей снаружи.

Должно быть, одеяла на императорском ложе были слишком мягкими — сознание Хань Миня мгновенно угасло, и он окончательно утонул в неге теплых снов.

Увидев, что юноша крепко спит, Фу Сюнь придвинулся ближе и прилег рядом с ним.

Ночь прошла в безмолвии.

Государь поднялся на рассвете. Увидев, что Хань Минь всё еще спит, он бесшумно покинул ложе. Не желая никого беспокоить, он сам накинул одежду и вышел из покоев.

Юноша проснулся лишь тогда, когда солнце уже стояло в зените.

Кое-как натянув туфли, он отдернул полог и вышел, намереваясь позвать слуг.

Опасаясь потревожить сон гостя, придворные не смели заходить в передний зал, и Минь дошел до самых дверей, прежде чем услышал голоса в коридоре.

— Вчера ночью он приходил в себя, немного поел. Вид у него был довольно бодрый.

Этот голос принадлежал евноху Яну, которого Минь видел накануне.

Ян служил еще двум императорам — деду Фу Сюня, государю Дэцзуну, и его отцу.

Когда Хань Минь был маленьким, дедушка Хань иногда брал его с собой на аудиенции. Пока император и подданный беседовали о делах, именно евнох уводил мальчика поиграть. Даже когда Дэцзун выезжал из дворца инкогнито, Ян неизменно сопровождал его.

Второй старик, с окладистой седой бородой, согласно кивнул:

— Вот и славно. Скоро пойдет на поправку.

Это был почтенный императорский лекарь Лян.

Совсем недавно Хань Минь упоминал его в разговоре с матерью — он говорил, что если бы господин Лян был рядом, то ноги старшего брата наверняка можно было бы исцелить.

Старый лекарь служил во дворце с юных лет и дожил в этих стенах до глубокой старости. Оба они видели, как Хань Минь рос.

Юноша толкнул тяжелую дубовую дверь и высунул голову:

— Я проснулся.

Старики вздрогнули от неожиданности и разом обернулись.

Хань Минь широко улыбнулся, его темные глаза радостно блеснули.

Евнух Ян окинул его взглядом с ног до головы и притворно рассердился:

— Как можно выходить в таком виде?! Немедленно возвращайся в постель и укройся одеялом!

Лекарь Лян зычным голосом приказал своему ученику:

— Живо неси мой ларец с лекарствами!

Хань Минь не успел вымолвить ни слова — его тут же спровадили обратно в комнату.

В покои хлынула целая толпа слуг: одни несли одежду, другие — принадлежности для умывания, третьи — чай и легкие закуски. Зал мгновенно наполнился суетой.

Минь переоделся в чистое нижнее платье и, плотно закутавшись в одеяло, уселся на кушетку.

Он хотел было сам умыться, но евнух Ян мягко перехватил его руки.

— Не двигайся, я сам.

Старый слуга отжал теплое полотенце и, бережно придерживая юношу за голову, принялся протирать его лицо.

Хань Минь недовольно проворчал:

— У меня ведь руки не отсохли.

Евнух лишь коротко бросил:

— Закрой глаза.

— Ох...

После умывания старик собрался кормить его кашей с ложечки.

Хань Минь поспешно запротестовал:

— С этим я справлюсь сам, правда.

Евнух Ян посмотрел на него затуманенным от слез взглядом и осторожно поправил прядь волос у него на виске.

Минь ласково улыбнулся ему:

— Дедушка Ян, со мной всё в порядке, просто...

Старик напустил на себя суровый вид:

— Снова ты за свое! Какой я тебе дедушка?

Хань Минь, посмеиваясь, исправился:

— Евнух Ян.

Лицо старика тут же просветлело:

— Вот так-то лучше.

Съев пару ложек каши, Хань Минь отставил миску.

— И это всё? — спросил Ян.

— Я не слишком голоден. Поем чуть позже.

— Что ж, тогда позже. А пока пусть императорский лекарь осмотрит тебя.

Старый слуга взял его за руку и подвел к лекарю Ляну:

— Прощу вас, взгляните.

На низкий столик перед кушеткой положили подушечку для пульса. Целитель одной рукой коснулся запястья Миня, а другой принялся поглаживать бороду. Прищурившись, он сосредоточенно прислушивался к биению крови.

Хань Минь хотел было что-то сказать:

— Я...

Евнух Ян и лекарь Лян одновременно шикнули на него:

— Тише. Поговорим позже.

Юноша шмыгнул носом:

— Понял.

Слуги бесшумно покинули зал, и в покоях воцарилась глубокая тишина.

Лишь спустя долгое время лекарь Лян медленно убрал руку.

— Пойду подправлю рецепт.

Он помолчал немного, а затем спросил:

— Братец Минь... Как же вышло, что твое здоровье стало таким слабым? Разве в Тунчжоу тебе жилось плохо? Почему ты ничего нам не сказал? Дедушка Хань знает об этом?

Слова его звучали мягко, но в них сквозила искренняя тревога.

Хань Минь виновато опустил голову:

— Это пустяки. Должно быть, сказываются те годы, что я провел в темнице... К тому же я плохо сплю по ночам.

— И давно это продолжается?

— Два года.

— С тех пор как ваш дом подвергся опале?

— Да. Мне часто снятся кошмары, — юноша потер лицо ладонями. — А потом дел стало невпроворот, и я привык ложиться поздно.

— Так дело не пойдет. Я выпишу тебе пару успокоительных отваров.

— В Тунчжоу я уже пил лекарства, — тихо возразил Минь, — не помогло. Должно быть, проблема в голове.

Лекарь Лян принялся уговаривать его как ребенка:

— А ты всё же попробуй, выпей хотя бы парочку.

Хань Минь прошептал:

— Не знаю почему, но здесь я сплю просто замечательно.

Старец погладил бороду:

— Должно быть, это императорская аура государя оберегает тебя.

— Вряд ли всё так мистично. Скорее, дело в том, что он спас меня. Когда он рядом, я чувствую себя в безопасности.

— В таком случае, оставайся жить во дворце.

— Как это возможно?

Разделить с государем ложе один раз — этого более чем достаточно, но спать вместе каждую ночь?

Это уже не называется служением преданного подданного. Это называется участью фаворита или наложника.

Хань Минь чувствовал, что так поступать нельзя.

Он повернулся к евнуху:

— Где Его Величество?

Ян ответил:

— Покойный император отошел в мир иной, прах его покоится во дворце Фэнцзянь. Через месяц тело перевезут в усыпальницу на горе Мин для погребения. Сегодня седьмой день со дня кончины — печальная дата. Государь и принцы с самого утра находятся во дворце Фэнцзянь, совершая поминальные обряды и сжигая ритуальные стяги. Думаю, скоро он вернется.

Юноша согласно кивнул.

Тут уже евнух Ян задал ему встречный вопрос:

— А я вот хотел спросить: зачем ты приехал? Так безрассудно сорвался с места, да еще и довел себя до такого плачевного состояния.

— Я... — Хань Минь поджал губы и тихо ответил: — Я просто немного беспокоился.

Не успел он договорить, как полог, отделяющий внутренние покои, распахнулся.

Фу Сюнь еще не успел сменить белые траурные одежды, в которых совершал обряды. Он первым делом зашел проведать Хань Миня. Император замер на входе, его взгляд сразу же остановился на юноше.

— Проснулся?

Минь не ожидал его появления и, встретившись с ним глазами, тут же поспешно отвел взгляд, помня о приличиях и разнице в их положении.

Евнух Ян и лекарь Лян поднялись, приветствуя Государя. Хань Минь тоже сбросил одеяло, собираясь встать.

Фу Сюнь сухо бросил:

— Сиди.

И юноша послушно опустился обратно.

Император распорядился, обращаясь к Яну и лекарю:

— Побудьте с ним. Я сменю одежду и вернусь.

Занавес опустился, и в покои снова потянулись слуги с чаем и чистым платьем.

Сквозь тонкую ткань были видны лишь смутные тени.

Хань Минь старался не смотреть в ту сторону. Немного подумав, он вполголоса спросил старика Яна:

— Не пора ли мне перебраться в другое место?

Тот не успел ответить — Фу Сюнь сам откинул полог и вошел, спрашивая:

— И куда же ты собрался перебираться?

Он уже сменил траурные одежды на обычное платье. Быстрым шагом он подошел и сел прямо перед юношей.

Евнух Ян и лекарь Лян, поклонившись, вместе покинули зал. В покоях они остались вдвоем.

Государь сидел на краю кушетки, положив руки на колени.

— Ты сказал, что хочешь перебраться... — начал он.

Договорить он не успел. Снаружи послышался голос евнуха Яна:

— Ваше Величество, прибыл молодой господин Вэнь Янь. Он желает обсудить детали государственного траура на горе Мин, который состоится через месяц.

Фу Сюнь слегка повернул голову:

— Пусть подождет в боковом зале.

— Слушаюсь.

Старый слуга удалился, но не прошло и минуты, как двери зала снова распахнулись.

Ян не смог его удержать — Вэнь Янь, шурша полами одежд, решительно вошел в покои.

Сквозь прозрачную ткань занавеса он увидел два силуэта, сидящих друг напротив друга на ложе.

Лишь мельком взглянув на них, он отвесил глубокий поклон и принялся увещевать императора с крайне недовольным видом:

— Ваше Величество, организация государственного траура — дело первостепенной важности. Прошу вас отложить прочие заботы. Даже если вы задерживаетесь ради господина Ханя, самому господину Ханю в душе, боюсь, будет не по себе от такого пренебрежения долгом.

«Кажется, я начинаю кое-что понимать»

Система тут же спросила:

[И что же ты понял?]

Хань Минь даже вздрогнул от неожиданности:

«О! Ты вернулась?»

Вчера вечером, когда Фу Сюнь предложил ему лечь вместе, Система куда-то пропала, как он её ни звал.

[Только что. Центр управления выслал тебе компенсацию, я ходила её забирать. Так что ты там понял?]

«Теперь я знаю, почему Вэнь Янь меня недолюбливает»

[И почему же?]

Юноша шмыгнул носом:

«Только посмотри на меня. Вчера вечером я отобрал у него сладости, а сегодня соблазняю императора прогуливать утренние аудиенции. Ну чем я не коварная наложница из исторических хроник?»

Система мгновенно развеселилась, и Хань Минь тоже не смог сдержать улыбки.

Фу Сюнь обернулся и увидел, что юноша, закутавшись в одеяло, умудрился выставить одну ногу наружу.

Должно быть, Минь вспомнил о чем-то забавном, потому что всё его тело мелко подрагивало от сдерживаемого смеха.

Вид у него был донельзя глупый и милый.

Государь потянул за край одеяла и заботливо укрыл его босую ступню.

<http://bllate.org/book/15310/1356223>